

История горного дела на Урале

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ, ИЛИ ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ

В. В. Филатов

Первые собственные кадры кафедры геофизики получила в 1929 г. Это были выпускники еще кафедры маркшейдерии Иван Иванович Дерябин и Мануил Федорович Богатырев, закончившие в этом году теоретическое обучение. В свидетельствах, полученных ими в начале следующего года, было написано, что они удостоены звания горного инженера по горно-геометрической и геофизической специальности.

Кто они, первые выпускники кафедры – первые уральские инженеры-геофизики?

Иван Иванович – коренной уралец, родился 28 мая 1900 г. на Надеждинском заводе в Пермской губернии. В его студенческом деле есть несколько документов, написанных в разное время, в которых он очень подробно, даже с некоторой рисовкой и самобытностью рассказывает о себе, о своей семье и о годах учебы. Они так хороши и поучительны, что их грех пересказывать. Поэтому я их приведу почти полностью.

Самым интересным из всех документов является «Жизнеописание», в котором Иван написал, что его «семья состояла из 8 человек: я, отец, мать, брат и 4 сестры находились на иждивении отца, который был дежурным мастером в газоэлектрическом цехе. Там я прожил до 1905 г., когда волна революции докатилась до Надеждинского завода, где проходили забастовки рабочих, как сейчас помню взрывы бомб, приезд черкесов, затем аресты и жизнь стала дорожее и труднее и осенью семья переехала в Богословский завод, где имелся свой небольшой дом, хозяйство и один сенокосный участок. Старшая сестра училась тогда в Верхотурской гимназии и из-за отсутствия средств кончила только 4 класса. Остальные находятся дома, которых надо учить в гимназии, но, увы и ах! не приходится в силу материальных условий».

Семья Дерябиных так и осталась жить в Богословском заводе. Отец, которого Иван жалеючи называл стариком, хотя ему в 1923 г., когда писалось «жизнеописание», было 54 года, работал электромонтером в железнодорожном депо, а старшая сестра служила руководителем в местном Доме коммуны.

«В Богословском заводе, – продолжал Иван, – в 1914 г. я окончил 2-х классную школу и поступил в Горное училище, находящееся в 12 верстах от нашего завода в селе Турьинских рудников и где учение было бесплатное и учились дети рабочих Богословского завода. В период летних каникул, начиная с 1914 г., я всё время находился на практике и был в следующих цехах: электроремонтном, электрическом, механическом и чертёжной механического цеха ... и на угольных копиях, чтобы помочь семье, а старший брат (на 3 года старше меня) по окончании 2-х классов училища пошел работать и сейчас работает слесарем в заводе, потом женился, отделился от семьи и в настоящее время в семье 7 человек. Я являюсь главным работником.

В Горном училище в 17 г. с самого начала революции основался политический кружок, в котором я принимал участие, в котором мы изучали революционное движение в России, Французскую революцию. Горняки всегда были настроены революционно.

В 1918 г. по окончании Горного училища летом для отбывания двухгодичной практики я поступил в город Надеждинск в Техническое Бюро Богословского Горного округа, где и пробыл до 22 августа 1919 г. В солдатах я не был совсем, был освобожден по болезни по чистой из-за порока сердца. Во время эвакуации белых я приехал домой в Богословский завод, где поступил чертежником-съёмщиком во вновь организованный Земельный ко-

митет, где пробыл до 24 ноября 1919 г. Осенью же 1918 г. Горное училище было преобразовано в среднетехническое Горнозаводское училище и я, желая продолжить... образование, поступил в него осенью на 1 семестр горного отделения,... так как старшие курсы в Горнозаводском училище за неимением преподавателей не были открыты и, чтобы ученики не были выброшены за борт, для нас 7 человек были устроены курсы для подготовки в Уральский Горный Институт, куда мы все и выдержали».

В июне 1920 г. Иван закончил училище, а в конце июля, получив удостоверение, написал заявление о зачислении его на геологоразведочный факультета УГИ, приписав в конце, будучи человеком обстоятельным и обязательным, что «фотографические карточки сейчас прислать не могу, за неимением фотографа в Богословском Горном округе, пришлю позже».

Из хранящихся в личном деле Дерябина документов заслуживает внимания удостоверение об окончании «Турьинского Профессионально-Технического Горнозаводского училища». В нем перечислены предметы (без оценок), включенные в программу обучения: на первом месте стоит русский язык, потом – алгебра, геометрия, тригонометрия, физика и химия (все предметы в объеме 6–7 классов реального училища), геология, минералогия, теоретическая механика, техническое черчение и рисование.

Программа обучения впечатляет продуманной сбалансированностью предметов, а деятельность заведующего училищем П. Г. Огурцова вызывает уважение тем, что он в условиях Гражданской войны и нехватки преподавателей сумел так организовать учебу, что учащиеся получали полноценное образование. Учащиеся же восхищаются своей целеустремленностью и настойчивостью, с какой они вопреки трудностям учились. Трудности их укрепляли, вырабатывали в них важнейшее жизненное качество – умение держать удар и не ломаться. Это качество ох как пригодилось им во время учебы в институте.

Осенью 1920 г. в Екатеринбурге был открыт Уральский государственный университет, в состав которого вошел Горный институт. Так что Иван, поступивший в Горный институт, через несколько месяцев стал студентом университета. Пережив первую студенческую зиму, Иван в конце мая 1921 г. попросил двухнедельный отпуск: «Дело в том, – писал он, – что я с Рождества не ездил домой ... За время учёбы я достаточно пообносился. Остался сейчас в худых сапогах и не имею белья, в апреле с/г я отдал последние штiblеты в починку в студенческую мастерскую, но там не оказалось кожи и так они и остались не починенными. На время мой дядя дал мне сапоги, в которых я сейчас хожу и которые требуют починки ... Домашние обстоятельства заставляют меня ехать домой, так как сейчас идут горячие работы (рубка дров, а главное копка огородов), а помощников дома нет, а отцу 52 года... кроме того медицинской комиссией я освобождён от рубки дров совсем. Ввиду таких неблагоприятно сложившихся для меня обстоятельств единственным рациональным средством, я считаю, поездку домой и прошу дать мне отпуск до начала летней практики».

На листе с заявлением директор Горного института А. А. Гапеев (1881–1958) размашисто, через всю страницу начертил тупым карандашом: «Дать отпуск до 6 июня». Рядом, наискось, бисерными буквами синими чернилами была написана резолюция проректора Уральского университета Н. П. Горина (1892–1938): «Отпуск до 6 июня». А ниже кто-то детским почерком

добавил: «Отпуск дать можно. От рубки по медкомиссии освобождён».

Иван поехал домой сажать картошку и заготавливать семье дрова на зиму, несмотря на запрещение врачей, ведь своя ноша не тянет. Летом он прошел практику по геодезии в Уктусе, а «затем, – по его словам, – оставшееся время лета был на практике на железнодорожных изысканиях дороги Верхотурье–Туринск–Тюмень и 14 октября приехал к началу занятий в Горном институте, но их не было до 1 ноября. До начала занятий... работал по оборудованию своего факультета и перевозке кабинетов, коллекций и библиотеки из дома (бывшего. – В. Ф.). Главного Начальника (Уральского горного управления. – В. Ф.) в здании 2 женской гимназии. С 1 ноября начались занятия по механике и интегралам, каковые лекции ... слушал до 24 ноября, когда по семейным обстоятельствам был вынужден уехать домой».

В этот раз Иван просил откомандировать его на Богословские угольные копи почти на год, до 1 сентября 1922 г. Почему? Потому что не на что было жить. «Я приехал в Екатеринбург, – писал он в Правление университета, – к началу занятий... И вот прошло уже больше месяца, занятий нормальных нет, а жить дальше на 1 ф. хлеба без столовой и без копейки денег... я не могу, так как это влечёт ужасное существование вплоть до полного истощения как физических, так и умственных сил. Кроме того, ... копи находятся в 4 верстах от дома, где семейные обстоятельства для меня слагаются не благополучно... у меня дома остались сейчас старики родители и 2 младшие сестры, которые нуждаются в моей помощи. В силу таких... обстоятельств, приходится прервать учёбу пока на год». А там видно будет.

Разрешение прервать учебу он опять получил. Но упование на работу на копах не осуществилось. Вместо копей пришлось устроиться преподавателем математики в Туринском техникуме, «так как другой работы не мог найти благодаря тяжёлому положению и определённому количеству пайков в Округе, где я пробыл по май месяц. С 1 июня я был на съёмочных работах постройки Богословско-Сосвинской железной дороги в качестве техника. 30 сентября я приехал в Екатеринбург и продолжил своё образование», – минорно подытожил Иван результаты очередного учебного года.

Но его злключения на этом не закончились. В конце 1923 г. проверочный комитет горного факультета решил отчислить Ивана за неуспеваемость. Не вышло. Иван защищался смело, напористо и мотивированно и отстоял свое право быть студентом. Его заявление в Президиум горного факультета с саркастической концовкой привожу почти без купюр, специально для студентов-геофизиков XXI века:

«21–22 учебный год я совершенно отсутствовал и прилагаю документ от Уралуниверситета. За 2 года ... мной сдано 54 очка (в начале 20-х годов успеваемость студентов оценивалась очками, а не баллами и для перевода с курса на курс необходимо было набрать определенное число очков. – В. Ф.) и ещё на руках зачетная карточка по техническому черчению ... и кроме того, у меня почти готов отчёт об летней практике... Сдать же отчёт к 1 окт. я не имел возможности, так как я только 7 в субботу вечером приехал с практики. Задержался так долго... из-за расчета, из-за отсутствия денег в Округе и, при том я был на самой дальней дистанции в Исовском горном округе, на Верх-Косьинском прииске и то, поспешив уехать, не дополучил 2000 р. денег и документ о службе.

Minimum в 20–21 уч. году я выполнил (это видно из зачётной ведомости) и только учебная часть у меня была плохо выполнена в прошлом году, но тому было много причин, именно: я не был стипендиатом, хотя в рамках студентов, получающих стипендию, я вполне подходил, но не хватало стипендий, как мне сказал Б. В. Дидковский (в 1920–1922 гг. Дидковский (1883–1938) был председателем Уральского горного комитета. – В. Ф.). Поэтому, естественно, вынужден был изыскивать средства для суще-

ствования... Затем, с 1 января по 1 марта я был командирован Губстатбюро для обследования промышленных заведений в Верхотурском уезде... Перед Пасхой я вынужден был жить только уроками (давал уроки по математике и учил играть на гитаре). Кроме того, в начале года я был без квартиры, сегодня ночуя у одного, а завтра у другого товарища, так что не могло быть и речи о занятиях. Позже я нашел угол на Гоголевской ул. подвальное помещение, холодное, сырое, низкое, где и прожил до 1 апреля 1923 г. Заниматься в таком месте я имел возможность только ночью и ввиду холода в шубе и пимах. Далее, на подготовку общей и динамической геологии я потратил 3 месяца, причём общую сдал, вторую сначала нет, а потом Гапеев уехал в Петроград и приехал в июне, когда я поехал на летнюю практику, так что, я потратил только даром время на подготовку второй.

Принимая во внимание вышесказанное, когда день проходил в поисках уроков и их подготовке и, находясь в плохих материальных и жилищных условиях..., нет ничего удивительного, что я сдал только 12 очков, когда мои товарищи-стипендиаты, сдали ещё меньше меня, но, однако не красуются в списках исключённых, а оставлены на первом курсе».

Проверком принял апелляцию Ивана, и он не был отчислен. Молодец!

Пройдя за 10 лет учебы все мыслимые огни и воды, Иван Дерябин мощно и уверенно подошел к медным трубам успеха. В отзыве кафедры о кандидатуре горного инженера Дерябина на право занять им место аспиранта Соболевский написал: «В отношении Ивана Ивановича Дерябина заслуживает внимание справка о том, как созрело в нём решение работать именно по горно-геометрической и геофизической специальности. Выбор этой специальности им сделан, когда он находился уже на старших курсах... В 1927 году Иван Иванович впервые знакомится с сущностью горной геометрии. Будучи геологом-разведчиком летом 1928 г. он был командирован на геологоразведочные работы и тут впервые понял, что нельзя составить точной пластовой карты вне методов горной геометрии.

Таким образом, в 28–29 учебном году Иван Иванович принялся за изучение группы горно-геометрических и геофизических дисциплин и летом 1929 г. работает в качестве старшего производителя работ в Алапаевской геофизической экспедиции. Лекционные записки, составленные... Дерябиным по Современному Маркшейдерскому Искусству и Горной Геометрии, известны всем студентам. В их составлении им было обнаружено умение выбирать наиболее существенное, из прочитанного и сжато излагать свои мысли. Работая в качестве старшего производителя работ на Верхней Синячихе... Дерябин обнаружил... ряд положительных качеств как будущий научный работник, главнейшее из которых это научный подход к наблюдаемым явлениям, систематичность и настойчивость в работе.

Кафедра возлагает на... Дерябина серьёзные надежды. Необходимо отметить, что Иван Иванович уже в настоящий момент должен приступить к исполнению лабораторно-исследовательских работ по геоэлектричеству».

«Одиссея» второго первого выпускника кафедры Мануила Федоровича Богатырева трагичнее дерябинской. Он приехал в Свердловск из Феодосии в первых числах ноября 1925 г. Приехал не один, с семьей: молодой 27-летней женой Таисией Ивановной и двумя малолетними детьми; дочери Ольге было около четырех лет, сыну Игорю – около двух. На следующий год к нему из Крыма перебралась и 60-летняя мать Евгения Владимировна. Переезд был поступком смелым, но не отчаянным. У Богатыревых на Урале никого и ничего не было, и никто их здесь не ждал. Да и уезжали они из Крыма поспешно. Мануил Федорович не получил ни подъемных, ни командировочных, даже вынужден был «ликвидировать остатки домашней рухляди», чтобы иметь деньги на дорогу. Но Мануил Федорович был не авантюрист, чтобы

обрезать родных на трудности, которых в его 37-летней жизни было и так уже немало.

На Урал он приехал не как частное лицо, а по командировке Крымского Обкома РКП (б) в распоряжение Уральского Обкома РКП (б) «для окончания... специального образования». В разговорах с заведующим агитпропотделом Уралобкома Оршанским, заведующим УралОНО Я. А. Истоминым и ректором Уральского политехнического института С. А. Бессоновым (1892–1941) Мануил Федорович говорил, что он чувствует, что «ещё не утерял сил и способностей для окончания института» и просил «предоставить возможность окончить обучение при Уральском политехническом институте на горном факультете по рудничному отделению».

Если он приехал в Свердловск «для окончания института», то значит, раньше он учился в каком-то высшем учебном заведении? Да, учился. Предположительно в 1912 г. он после окончания реального училища поступил в Петербургский горный институт. Учился и одновременно работал. Работать он начал рано, еще до поступления в институт. Работал техником, кооператором, педагогом. С 1911 г. началась его общественно-профессиональная деятельность в различных партийных и профсоюзных организациях. В 1915 г. его как военнообязанного направили служить техником в Управление строительства Холмской военной ветки Привисленской железной дороги.

За политическую деятельность в сентябре 1916 г. он по распоряжению министра торговли и промышленности был отчислен из института, мобилизован и направлен в команду молодых солдат запасного электробатальона. В батальоне он был так же политически активен, как и в институте. Поэтому когда произошла Февральская революция, его избрали председателем батальонного солдатского комитета. Потом около полугода Мануил Федорович служил в должности руководителя инженерных работ при штабе 5-й армии на Уральском фронте. Тогда-то и узнал, что на Урале есть Горный институт.

Службу в армии он называл досадной «задержкой». И как только представилась возможность, демобилизовался и в конце 1918 г. вернулся в Петроград. Первого января 1919 г. студенты избрали его заместителем председателя Совета старост Горного института. Он продолжил учебу и «сдал несколько предметов: электротехнику с проектом и паровые котлы... Но голодные условия жизни 19 г. не позволили мне, – вспоминал он позже, – вести работу дальше и я уехал домой, где получил сыпной тиф с осложнением в виде туберкулёза. Впредь до его излечения находился на партийной работе в Крыму». Там в Крыму он в 1921 г. стал членом РКП (б).

Феодосия, в которой Мануил Федорович прожил пять лет и стал семьянином, по климатическим условиям место идеальное, санаторно-курортное для лечения туберкулёза. Но город стала для него не только местом лечения, но и, вероятно, местом подпольной работы, поскольку, когда он приехал в Феодосию, Крым был еще врангелевским. Советская власть в городе была установлена спустя месяц после того, как он 16 октября устроился на работу в обозно-технические мастерские.

После установления Советской власти в Крыму началась кровавая вакханалия победителей над побежденными, идеологами и руководителями которой стали Розалия Землячка (1876–1947) и Бела Кун (1886–1938). Богатырев в ней не участвовал. Его «бросили» на профсоюзно-кооперативный фронт для мобилизации трудящихся по восстановлению народного хозяйства полуострова. Работал он много, место работы менял часто, но не потому, что не справлялся с поручениями. Напротив, каждая новая должность была на ступень выше и важнее предыдущей: секретарь фабзавкома объединенных механических заводов, секретарь уездного бюро профсоюзов, зав. кооперативным отделом Президиума Феодосийского Окргпрофбюро, заместитель

председателя коллегии феодосийского отделения Крымсоюза, член Феодосийского Окрисполкома, заместитель председателя Окргпрофбюро, заместитель заведующего ОкргОНО, зав. политпросветом, преподаватель истории и теории кооперации в торговой школе и так далее и так далее.

В 30-тысячной Феодосии он был известен почти каждому жителю, и там он, без сомнения, мог бы сделать успешную карьеру на профсоюзно-кооперативном поприще. Но его влекла иная цель. Более значимая и высокая. Он хотел завершить образование и стать горным инженером. Все эти годы он как зеницу ока хранил свою зачетную книжку. С ней он и приехал в Свердловск, как только вылечил туберкулёз. Приехал, не дожидаясь весны, чтобы не потерять учебный год. Его желание учиться было таким сильным, что он был согласен на любые условия, лишь бы стать студентом. «Если не представится возможность принять меня в настоящее время сразу, – писал он в Правление УПИ, – прошу... предоставить мне возможность сдавать зачёты в качестве экстерного студента», «чтобы в дальнейшем по ходу сдачи зачётов, перевести меня в действительные студенты». А поскольку его материальное положение было тяжелым, то он просил Правление «в случае приёма экстерн-студентом, освободить... от причитающегося при этом взноса в размере 50 руб.».

Прошение Богатырева было принято, и уже через два дня, 6 ноября, накануне самого главного в СССР праздника, Правление УПИ постановило «представить на разрешение Главпрофобра (Главное управление профессионально-политехнических школ и вузов Наркомпроса. – В. Ф.) вопрос о приёме в число студентов горного факультета... бывшего студента Ленинградского горного института тов. Богатырёва с условием... повторного испытания по некоторым предметам». Президиум горного факультета сообщил, что «препятствий к разрешению тов. Богатырёву занятий на факультете не встречается», что он может быть принят на 3-й курс с повторным испытанием... не дожидаясь решения Главпрофобра». С первого января 1926 г. Мануил Федорович стал полноправным студентом УПИ.

Очень быстро для него, опытного общественника, профсоюзного и кооперативного функционера, нашлась и работа. В конце ноября он уже сидел за столом секретаря-экономиста в плановом бюро Уралоблсоюза, а с нового года стал еще преподавать курс организации торговли и рынков в кооперативно-торговом училище. Убедившись в ценности нового сотрудника, руководство Облсоюза через пять месяцев назначило его на должность ответственного секретаря комиссии по рационализации аппарата Облсоюза, а позже заведующим Бюро рационализации. Высоко он был оценен и руководством Свердловского окружкома ВКП (б), которое командировало его в Уральский промышленно-экономический техникум преподавать общественно-политические предметы. Жизнь обрела устойчивость и материальное благополучие. От этого ближе становилась заветная цель, к которой он теперь не шел, а летел, как на крыльях и готов был для ее достижения свернуть любые горы.

Надо ли говорить о том, с каким жадным желанием он учился. И вот цель достигнута: 19 февраля 1930 г. ему вручили свидетельство об окончании УПИ, месяцем раньше зачислили на должность младшего ассистента; в апреле он стал аспирантом, а спустя год ему поручили заведование геофизической лабораторией. О таком успехе он и не мечтал, уезжая шесть лет назад из Крыма. Теперь можно ставить перед собой другую цель – научную.

И вдруг! Поговорки о таких ситуациях говорят: ты за пирог, а черт за порог, ты на гору, а черт за ногу. За день до нового 1932 года Богатырева, как обухом по голове «ударил» приказ: «Исключается из аспирантов Ин-та, т. к. состоя аспирантом... не оправдал себя перед общественностью и дирекцией... как будущий руководитель советской высшей школы, проявивший

себя не способным бороться за перестройку высшей школы и её идеологическую чистоту, оказавшись политически близоруким в борьбе за внедрение марксистско-ленинской методологии и методики преподавания».

Досадно, но пока еще не катастрофа. Нет, не катастрофа. Вот и в институте позволили остаться, правда, пока только ассистентом-совместителем. Пока... Если бы только знать, что ждет там впереди, а узнав, предотвратить беду. Но уже был кем-то безжалостно «расписан распорядок действий и неотвратим конец пути». Впереди были арест, суд, ссылка, трагедия семьи. Обо всем этом в институте узнали спустя шестнадцать лет, уже и забыв о том, что когда-то на кафедре геофизики работал некто Мануил Федорович Богатырев.

В начале мая 1959 г. директор Свердловского горного института Е. Ф. Ратников (1912–1998) получил из г. Борисоглебска письмо:

«Адвокатом Борисоглебской юридической консультации тов. Шаровой в феврале 1959 г. Вам было направлено письмо с прось-

бой, выслать справку о зарплате инженера-геофизика Богатырёва Мануила Фёдоровича... В 1937 году он был осуждён и в ссылке умер. В настоящее время Верховным Судом реабилитирован. На запрос адвоката... было получено сообщение, что справку о зарплате... Вы не можете выслать за отсутствием в архиве ведомостей. В марте мой брат Овчинкин С. И. лично с Вами об этом говорил и оставил заявление. Вы обещали выяснить это дело и ответить после 10 апреля по возвращении из отпуска заведующего архивом. До сих пор я никакого ответа от Вас не имею. Убедительно прошу прислать мне необходимую для суда справку с указанием зарплаты мужа моего Богатырёва Мануила Фёдоровича.

Богатырёва Таисия Ивановна

25 апреля 1959 г.»

Заведующая архивом Е. Раевская ответила Таисии Ивановне, что справку она выслать не может, поскольку последний приказ, в котором упоминается ее муж, датирован 22 января 1933 г. и что данных о нем за 1934–1937 годы нет.

Вот и все о тех первых выпускниках кафедры геофизики.

Владимир Викторович Филатов,
filatov47@bk.ru
Владимирский государственный университет
Россия, Владимир, ул. Горького, 87